

ПАПЕ:
спасибо за жизнь, полную рассказов,
от самых первых сказок на ночь
до ежедневных разговоров.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИТА ПОДБРАСЫВАЕТ В КОСТЁР ОЧЕРЕДНОЕ СОСНОВОЕ ПОЛЕНО.

К звёздному небу тянется душистый дым. Она усаживается рядом со мной на одеяло, и у неё щёлкают коленки. Приготовленная для меня кружка горячего какао с корицей на этот раз стоит нетронутая.

— Петра, возьмишь в путешествие мой подарок. Я ведь не попаду к тебе на тринадцатилетие...

Лита тянется в карман свитера и достаёт серебряный кулон в виде солнца. В центре — плоский чёрный камень.

— Если посмотреть сквозь него на солнце, опсидиан светится.

Я принимаю подарок и поднимаю повыше, но солнца нет.

В небе только луна. Иногда я воображаю, что вижу то, чего на самом деле нет. Но уверена, что слабое свечение проникает через середину камня. Я верчу кулон туда-сюда. Отодвигаю подальше, и он совсем исчезает из поля зрения.

Когда я поднимаю глаза, Лита жестом показывает на такой же кулон на шее.

— Знаешь, — говорит она, — индейцы майя верят, что обсидиан обладает магией. Соединяет разлучённых.

Она поджимает губы, и тёмная кожа у носа морщится, как лопнувшая кора дерева.

— Не хочу лететь, — говорю я.

— Ничего не поделаешь, придётся, Петра.

Лита надолго отводит глаза, прежде чем снова заговорить.

— Детям с родителями лучше не разлучаться.

— Ты папина мать. Значит, он должен остаться с тобой. И все мы тоже.

Говоря это, я понимаю, что разнылась, как маленькая.

Лита тихонько смеётся.

— Я слишком стара для таких дальних путешествий. Но ты... *Dios mío*¹, новая планета! С ума сойти!

¹ Боже мой (*исп.*).

У меня дрожит подбородок, и я утыкаюсь Лите головой в бок, обнимая за талию.

— Не хочу без тебя.

Она глубоко вздыхает.

Где-то в пустыне за домом Литы воет койот, созывая друзей. И, как по команде, кудахчут куры, блеет пугливая коза.

— Расскажу тебе сказку, — говорит она, начиная одну из небылиц.

Запрокинув головы, мы смотрим в ночное небо. Лита крепко обнимает меня, нас овеивает тёплым ветром пустыни. Я бы осталась тут навеки.

Она показывает на комету Галлея. Отсюда та не кажется такой опасной.

— *Havía una vez*¹, — начинает она рассказ, — юный огненный Змей, оборотень. Его матерью была Земля, а отцом — Солнце.

— Волшебный Змей? — спрашиваю я. — Но как у Солнца и Земли мог родиться наполовину человек, наполовину зверь...

— Тсс. Сказка же.

Она откашливается и берёт меня за руку.

— Огненный Змей рассердился. Мать Земля его вскормила и взрастила, а отец Солнце оставался в стороне. Отец приносил хорошие урожаи, но и насылал засуху и смерть. И однажды в жаркий день, когда Солнце нависло над оборотнем...

¹ Жил-был однажды (*исп.*).

Лита машет рукой на небеса.

— ...он бросил отцу вызов. Хотя мать умоляла его остаться с ней навсегда, юный Огненный Змей ринулся к отцу.

Лита на мгновение умолкает. Остановившись, она держит меня в напряжении. И это действует.

— И что потом?

Она улыбается и продолжает:

— Огненный Змей с пылающим хвостом так разогнался, что снизить скорость уже не получилось. Но, приблизившись к Солнцу, понял ошибку. Пламя отца было сильнее и могущественнее всего во вселенной. Оборотень обогнул Солнце и хотел вернуться домой, но было слишком поздно. Отцовским огнём обожгло глаза, он ничего не видел.

Лита цокает языком.

— Robrecito¹, ослепший и летящий с огромной скоростью, он не сумел замедлить ход.

Она вздыхает. Дальше будет та часть во всех её рассказах, где она говорит как бы между прочим, словно мимоходом подсказывает, как пройти к булочной на углу.

— Итак, каждые семьдесят пять лет он повторяет путешествие, надеясь найти мать.

Она снова показывает на Огненного Змея.

¹ Бедняга (*исп.*).

— Подходит близко, чует мать, но никогда не обнимает.

— Но не в этот раз, — говорю я, чувствуя, как горит спина.

— Да, — отвечает она, сильнее притягивая меня к себе. — Через несколько дней Огненный Змей наконец найдёт мать. *У colorín Colorado, este cuento se ha acabado*¹, — говорит она, заканчивая рассказ.

Я долго глажу её руку, запоминая морщинки.

— Кто рассказал тебе эту историю? Твоя бабушка?

Лита пожимает плечами.

— Частично она. Помню какие-то отрывки. Остальное я, наверное, придумала сама.

— Мне страшно, Лита, — шепчу я.

Она гладит меня по руке.

— Разве, слушая, ты не забыла про страхи?

Мне стыдно, и я молчу. Слушая историю, я забылась. Забыла обо всём: о том, что случится с Литой и остальными.

— Не бойся, — говорит она.

— Я и не боюсь. Это всего лишь оборотень возвращается домой.

Я молча ищу в небе Огненного Змея.

— Я буду сказочницей. Как ты, Лита.

¹ Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец! (*исп.*)

Она выпрямляется, садится, скрестив ноги, и смотрит на меня.

— Сказочницей, да. Это у тебя в крови.

Она наклоняется.

— Просто как я? Нет, *mija*¹. Тебе нужно от-крыть, какая ты, и быть самой собой.

— А вдруг я испорчу твои истории? — спраши-ваю я.

Лита хватает мой подбородок мягкой смуглой ладонью.

— Не бойся, это невозможно. Они сотни лет ходят по свету, перебивав до тебя у многих людей. Просто расскажи их своими словами — и они твои.

Я думаю о Лите, её матери и бабушке со сто-роны матери. Сколько они знали историй! Кто я такая, чтобы унаследовать их искусство?

Я сжимаю в руке кулон.

— Я никогда не забуду ни одного твоего рас-сказа, Лита.

— Знаешь, у планеты, на которую вы летите, тоже есть солнце или два.

Она касается ногтем своего кулона.

— Посмотри за меня, когда прилетите.

У меня дёргается нижняя губа, и слёзы сами катятся по лицу.

— Просто не верится, что мы тебя бросаем.

¹ Девочка моя (*исп.*).

Она вытирает с моей щеки слезу.

— Ничего подобного. Мы с тобой срослись навеки. Мне так повезло. Ты увезёшь меня вместе со сказками на новую планету на сотни лет в будущее.

Я целую её в щёку.

— Я не подведу. Обещаю.

Сжимая обсидиановый кулон, я думаю, увидит ли Лита Огненного Змея через дымчатое стекло, когда он воссоединится с матерью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРЕЕЗД ИЗ САНТА-ФЕ К СТАРТОВОЙ ПЛОЩАДКЕ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ в Национальном парке Сан-Хуан около Дуранго занимает меньше двух часов. Полчаса папа толкает речь, объясняя нам с Хавьером, что нужно перестать ссориться, быть добрее и трудолюбивее.

Сначала мне кажется странным, что правительство специально выбрало леса Колорадо, а не военную базу. Но когда вижу пустые дороги и километры густого леса, я понимаю. Здесь будут незаметны даже три огромных межзвёздных корабля, предназначенных для переселения с Земли.

Роскошные корабли сконструировали в корпорации «Плеяды», чтобы с комфортом пере-

везти богатых людей через галактику. Вдоль площадок для взлёта и посадки вертолётов я видела огромные рекламные плакаты интерьера корабля, похожего на пятизвёздочный отель.

Тёмно-фиолетовые люстры фирменного цвета корпорации освещали улыбавшиеся лица актёров в нарядной одежде, державших бокалы с мартини и смотревших на воображаемую туманность. Голос человека, словно каждое утро полоскавшего горло маслом авокадо, говорил под фортепьяно: «Корпорация «Плеяды». В межзвёздное путешествие с комфортом! Роскошная жизнь среди звёзд для предприимчивой элиты».

Я размышляла о том, какие корабли сейчас. Люди с белозубыми улыбками на рекламных щитах были совсем не похожи на нас: учёных, специалистов по терраформированию планеты, руководителей, которые, по мнению правительства, заслужили право прожить дольше других. А каким образом в их ряды попала моя семья? Как эти политики выбирали? Что, если бы мама с папой оказались постарше? Сколько политиков пролезло без очереди?

Мне кажется несправедливым удирать с Земли, когда многие остаются.

Родители даже не знали, куда летим, вплоть до вчерашнего дня.

Папа говорит, что корабли «Плеяды» строили в огромном подземном помещении у старо-